

- [Гилберт Кийт Честертон](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кийт Честертон КРЫЛАТЫЙ КИНЖАЛ

Было время, когда отцу Брауну было трудно, не содрогнувшись, повесить шляпу на вешалку. Этой идиосинক্রазией он был обязан одной детали довольно сложных событий; но при его занятой жизни у него в памяти, быть может, и сохранилась лишь одна эта деталь. Связана она с обстоятельствами, которые в один особенно морозный декабрьский день побудили доктора Война, состоявшего при полицейской части, послать за священником.

Доктор Войн был рослый смуглый ирландец, один из тех неудачников-ирландцев, которых много на белом свете: они толкуют вкривь и вкось о научном скептицизме, о материализме и цинизме, но все, что касается религиозной обрядности, непременно приурочивают к традиционной религии своей родной страны. Трудно сказать, что для них эта религия — поверхностная полировка или солидная субстанция; вернее всего — то и другое вместе, с основательной прослойкой материализма. Как бы то ни было, только ему приходило в голову, что затронута данная область, он приглашал отца Брауна отнюдь не притворяясь, будто ему было бы приятно, если бы события приняли именно такую окраску.

— Знаете, я не совсем еще уверен, нужны ли вы мне, — сказал он. — Я ни в чем пока не уверен. Пусть меня повесят, если я знаю, кто тут нужен — доктор, полисмен или священник!

— Ну, что ж, — улыбнулся отец Браун, — поскольку вы соединяете в себе доктора и полисмена, я, очевидно, в меньшинстве.

— Допустим, вы — то, что политические деятели называют «просвещенным меньшинством», — отвечал доктор. — Мне известно, что вам приходилось работать и по нашей части. Но в том-то и дело, тут чертовски трудно сказать, по вашей или по нашей части эта история, а может быть, просто по части попечительства о сумасшедших. Мы только что получили письмо от человека, который живет поблизости, в том белом доме на холме. Он просит у нас защиты: жизни его угрожает опасность. Мы постарались, как могли, выяснить факты. Пожалуй, лучше всего рассказать вам все с самого начала.

Некий Элмер, богатый землевладелец одного из западных штатов, женился сравнительно поздно. У него родились три сына — Филип, Стивен

и Арнольд. Еще холостяком, не рассчитывая, что у него будет прямой наследник, он усыновил мальчика, по его мнению — очень способного и многообещающего, по имени Джон Стрейк. Происхождения тот был довольно темного — кто говорил, что он подкидыш, кто считал его цыганом. Возможно, последний слух был связан с тем, что Элмер на старости лет ударился в мрачный оккультизм, хиромантию и астрологию и, по словам его сыновей, Стрейк поощрял эти увлечения. Впрочем, сыновья еще много чего рассказывали. Они говорили, будто Стрейк — редкостный негодяй, а главное — редкостный лжец; он гениально в один миг изобретал отговорки и преподносил их так, что мог обмануть любого сыщика. Но возможно, что это — предубеждение, довольно естественное, пожалуй. Вы, вероятно, уже догадываетесь, что произошло. Старик оставил решительно все приемному сыну, и после его смерти сыновья опротестовали завещание. Они доказывали, что отец был вконец запуган и потерял волю, если не разум. По их словам, несмотря на протесты сиделок и родных, Стрейк самыми дерзкими и необычными способами пробирался к нему и терроризировал его на смертном одре. Как бы то ни было, им удалось доказать, что покойный не владел своими умственными способностями, — суд признал духовное завещание недействительным, и сыновья получили наследство.

Говорят, Стрейк пришел в бешенство и поклялся, что убьет всех троих, одного за другим. К нашей защите обратился третий и последний из братьев, Арнольд Элмер.

— Третий и последний? — переспросил отец Браун, серьезно глядя на собеседника.

— Да, — сказал Войн. — Двое других умерли.

Они помолчали; потом он продолжал:

— Отсюда и начинается та часть истории, которая пока под сомнением. Нет доказательств, что они убиты, но возможно, что это и так. Старший, который зажил помещиком, якобы покончил с собой в саду. Другой, промышленник, попал головой в машину у себя на фабрике; возможно, он оступился, упал. Но, если убил их Стрейк, он очень ловко все проделал и ловко ускользнул. С другой стороны, возможна и мания преследования, которой дали пищу совпадения. Понимаете, что мне нужно? Мне нужен толковый человек, притом — лицо неофициальное, который мог бы подняться наверх, поговорить с Арнольдом Элмером и составить о нем впечатление. Вы сумеете отличить человека, одержимого навязчивой идеей, от человека, который говорит правду. Я хочу, чтобы вы произвели рекогносцировку, перед тем как мы возьмемся за дело.

— Странно, что вам не пришлось взяться за него раньше, — сказал отец Браун. — Тянется это, видимо, уже давно.

Почему он именно теперь обратился к вам?

— Мне это, разумеется, приходило в голову, — ответил доктор Войн. — Он приводит причину, но, сознаюсь, она такого рода, что поневоле спросишь, не фантазия ли тут больного мозга? По его словам, вся прислуга вдруг забастовала и ушла, вот он и вынужден просить, чтобы полиция взяла на себя охрану его дома. По наведенным справкам, великий исход прислуги действительно был. И в городе, разумеется, ходит много рассказней, очень односторонних. Если верить слугам, хозяин стал совершенно невозможен — вечно тревожился, пугался, хотел, чтобы они сторожили дом, как часовые, или просиживали ночи напролет, как больничные сиделки. В общем им не удавалось остаться одним, потому что он не соглашался остаться один. В конце концов они сказали ему, что он сумасшедший, и потребовали расчет. Разумеется, это еще не доказывает, что он сумасшедший. Но только большой чудак может требовать в наше время от лакея и горничной, чтобы они несли обязанности вооруженной охраны.

— Словом, — улыбаясь, заметил отец Браун, — ему нужен полисмен, который выполнял бы обязанности горничной, потому что горничная не захотела исполнять обязанностей полисмена.

— Я тоже удивился, — кивнул доктор, — но не хотел отказывать, не попытавшись пойти на компромисс. Вы — этот компромисс.

— Прекрасно, — просто сказал отец Браун. — Я сейчас же навещу его, если хотите.

Холмистая местность, окружавшая городок, была скована морозом, а небо казалось ясным и холодным, как сталь, только на северо-востоке уже собирались тучи, отороченные бледным сиянием. На фоне этих зловещих пятен белел дом с недлинной колоннадой классического образца. Дорога, спиралью поднимавшаяся на холм, терялась в темной чаще кустарника. Когда отец Браун подходил к кустам, на него вдруг повеяло холодом, будто он приближался к леднику или Северному полюсу; но, человек в высшей степени трезвый, он на такие фантазии смотрел как на фантазии, и только весело заметил, покосившись на большую синевато-багровую тучу, медленно выползавшую из-за дома:

— Сейчас пойдет снег.

Миновав низкую кованую решетку итальянского стиля, он вошел в сад, на котором лежала та печать запустения, которая бывает свойственна лишь очень упорядоченным местам, когда там воцаряется беспорядок.

Иней припудрил густо разросшийся зеленый кустарник; сорные травы длинной бахромой оторочили цветочные грядки, стирая контуры, и дом по пояс ушел в частую поросль мелких деревьев и кустов. Деревья тут росли только хвойные или особенно выносливые, они буйно разрослись, а пышными все же не казались, слишком они были холодные, северные, словно арктические джунгли. И при взгляде на дом думалось, что его классическому фасаду и светлым колоннам выходить бы на Средиземное море, а он чахнет и хиреет на суровых ветрах Севера. Классические орнаменты лишь подчеркивали контраст; кариатиды и маски печально взирали с углов здания на запущенные дорожки, и казалось, что они замерзают. А самые завитки капителей свернулись будто от холода.

По заросшим травой ступенькам отец Браун поднялся к входным дверям, с высокими колоннами по обеим сторонам, и постучал. Потом он подождал минуты четыре, постучал снова и стал терпеливо ждать, прислонившись спиной к дверям и глядя на ландшафт, медленно темневший по мере того, как надвигалась тень огромной тучи, ползшей с севера.

Над головой отца Брауна чернели колонны портика; опаловый край тучи балдахином навис над ним. Серый, с переливчатой бахромой балдахин опускался все ниже и ниже, и скоро от бледно-окрашенного зимнего неба осталось лишь несколько серебряных лент и клочков.

Отец Браун ждал, но из дома не доносилось ни звука.

Тогда он быстро спустился по ступенькам и обогнул дом, ища другого входа; набрел на низкую боковую дверь; побарабанил в нее; подождал. Потянув за ручку, он убедился, что дверь заперта на ключ или засов, и пошел вдоль стены, мысленно учитывая все возможности и гадая, не забаррикадировался ли эксцентричный мистер Элмер в глубине дома так основательно, что до него даже не доносится стук. А может быть, сейчас он и баррикадируется, полагая, что этим стуком дает о себе знать мстительный Стрейк.

Возможно, что слуги, оставляя дом, открыли всего одну дверь, которую хозяин и запер за ними; но скорее, уходя, они не особенно заботились о мерах охраны. Отец Браун продолжал обходить дом. Через несколько минут он вернулся к своей отправной точке — и тут же увидел то, что искал.

Застекленная дверь одной комнаты, снаружи занавешенная плющом, была неплотно прикрыта; очевидно, ее забыли запереть. Один шаг, и он очутился в комнате, комфортабельно, хотя и старомодно обставленной. Из этой комнаты шла лестница наверх; с другой стороны была дверь в

соседнюю комнату, и вторая дверь, прямо против окон и гостя, — дверь с красными стеклами, пережиток былого великолепия.

Справа на круглом столике стояло нечто вроде аквариума — большая стеклянная чаша с зеленоватой водой, в которой плавали золотые рыбки, а прямо против аквариума — какая-то пальма с очень большими зелеными листьями. Все это было таким пыльным, таким викторианским, что телефон в углублении, полуприкрытом занавеской, казался совсем неуместным.

— Кто тут? — крикнул резкий голос из-за двери с красными стеклами. В тоне было недоверие.

— Могу я видеть мистера Элмера? — виновато спросил отец Браун.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек в сине-зеленом халате. Волосы у него были растрепаны, спутаны, будто он только что встал с постели или непрерывно вставал, но глаза совсем проснулись, и взгляд был живой, пожалуй, даже встревоженный. Отец Браун знал, что такие противоречия естественны в человеке, который живет в постоянном страхе. Профиль был тонкий, орлиный; но прежде всего поражал неопрятный, даже дикий вид большой темной бороды.

— Я — мистер Элмер, — сказал он, — но я давно не жду посетителей.

Что-то в его беспокойных глазах побудило отца Брауна перейти прямо к делу. Если у хозяина — мания преследования, то он не будет в претензии.

— Никак не пойму, — мягко сказал отец Браун, — действительно ли вы перестали ждать посетителей?

— Вы правы, — спокойно согласился хозяин. — Одного посетителя я жду. Возможно, он будет последним.

— Надеюсь, что нет, — заметил отец Браун. — Во всяком случае я рад, что не особенно похож на него.

Мистер Элмер зло засмеялся.

— Ничуть не похожи, — подтвердил он.

— Мистер Элмер, — заговорил напрямик отец Браун, — прошу извинения за свою смелость, но один из моих друзей сообщил мне о ваших затруднениях и просил выяснить, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен. По правде сказать, у меня есть кое-какой опыт в таких делах.

— Нет и не было дел, подобных этому, — возразил Элмер.

— Вы хотите сказать, — сказал священник, — что ваши братья, трагически расставшиеся с жизнью, были убиты?

— И даже убийства эти не простые, — отвечал хозяин. — Человек, который загоняет нас на смерть, — порождение сатаны, и сила его — от ада.

— У всего зла одни корни, — серьезно сказал отец Браун, — но откуда вы знаете, что это не простые убийства?

Элмер ответил жестом, пригласив гостя присесть, а сам медленно опустился в другое кресло, обхватив руками колени.

Когда он поднял глаза, в них появилось более мягкое и задумчивое выражение, а голос звучал дружелюбно и уверенно.

— Поймите, — заговорил он, — я отнюдь не желаю, чтобы вы считали меня неразумным человеком. Разум привел меня к этим выводам, ибо, к сожалению, разум-то к ним и приводит. Я много книг перечитал, ведь я один унаследовал познания отца в этой темной области, а там — и его библиотеку. Но то, о чем я хочу вам рассказать, не вычитано из книг, я видел это собственными глазами.

Отец Браун кивнул, и собеседник его продолжал, как бы подыскивая слова.

— Относительно старшего брата я сначала был не совсем уверен. В том месте, где его нашли, не было никаких следов, никаких отпечатков ног. И револьвер лежал подле него.

Но он только что перед тем получил угрожающее письмо от нашего врага, это несомненно, на письме был знак, крылатый кинжал, одна из его проклятых кабалистических штук. И служанка говорила, что в полумраке видела, как вдоль стены сада что-то ползло — не кошка, чересчур большое. Распространяться больше не буду. Скажу одно: если убийца и являлся, он умудрился не оставить никаких следов. А вот когда погиб брат Стивен, дело обстояло иначе, и с тех пор я все понял. Машина стояла на помосте, у подножия фабричной трубы. Я вскочил на помост тотчас после того, как он пал, убитый железным молотом. Я не видел, чтобы его ударило что-нибудь, но... я видел то, что видел. В тот миг большой клуб дыма закрывал от моих глаз фабричную трубу, но в одном месте вдруг образовался прорыв, и на самом верху стоял человек, завернувшись в черный плащ.

Сернистый дым на время заслонил его от меня. Когда дым рассеялся, я глянул на трубу. Там никого не было. Я человек разумный, пусть же разумные люди объяснят мне, как он попал на такую высоту и как спустился оттуда?

Он посмотрел на отца Брауна, улыбаясь, словно сфинкс, а затем, помолчав, сказал коротко:

— Череп у брата разлетелся, но тело не пострадало. И в одном из карманов мы нашли угрожающее письмо, полученное накануне, — письмо с крылатым кинжалом. Я уверен, — серьезно продолжал он, — что символ, крылатый кинжал, выбран не случайно. Что бы ни делал этот ужасный

человек, все — преднамеренно. В уме у него перепутались и самые сложные планы и всякие, никому неведомые наречия, шифры, образы без названий. Он принадлежит к самому худшему на свете типу людей — к типу злых мистиков. Я, конечно, не утверждаю, что отгадал все скрытое под этим символом. Но есть какая-то связь между символом и необычными, преступными действиями этого человека, который парит, как ястреб, над нашей семьей. Можно ли не видеть связи между крылатым кинжалом и смертью Филипа — смертью на лужайке собственного дома, где не осталось ни малейших следов ни на траве, ни в пыли дорожек?

Можно ли не видеть связи между крылатым кинжалом, который летит, как стрела, и фигурой на фабричной трубе?

— Вы хотите сказать, что он летает? — задумчиво сказал отец Браун.

— Симон Волхв летал в свое время, — возразил Элмер, — и в былые, темные времена всегда утверждали, что антихрист будет летать. Как бы то ни было, на письмах изображен крылатый кинжал; мог он летать или нет — другой вопрос, но разить он умел.

— Вы не заметили, на какой бумаге написаны письма? — спросил отец Браун. — На обыкновенной, почтовой?

Сфинкс жестко расхохотался.

— Можете сами убедиться, — мрачно сказал он. — Я получил сегодня такое же письмо.

Он откинулся на спинку кресла, вытянув ноги из-под зеленого халата, который был ему коротковат, и опустив подбородок на грудь. Почти не шевелясь, он запустил руку в карман и, вытащив за уголок бумажку, негибавшейся рукой протянул ее. В его позе было что-то, напоминающее о параличе, который сопровождается и оцепенением, и расслаблением. Но следующее замечание священника страшно взбодрило его.

Отец Браун всматривался в письмо, как все близорукие люди, поднося его к самым глазам. Бумага была не простая, хотя и шероховатая, — нечто вроде листка, вырванного из тетради для этюдов. На ней красными чернилами был изображен кинжал с крылышками — такими, как на жезле Меркурия, а внизу стояли слова: «Смерть настигнет вас на следующий день, как настигла ваших братьев».

Отец Браун бросил бумажку на пол и выпрямился в кресле.

— Не давайте запугать себя такими вещами! — резко молвил он. — Эти негодяи всегда стараются отнять у нас защиту, отняв надежду.

К его удивлению, развалившийся в кресле человек будто пробудился от сна и вскочил.

— Вы правы! Вы правы! — вскричал Элмер с неожиданным

оживлением. — Они убедятся, что я не так уж беспомощен, не так безнадежен. Пожалуй, у меня больше и надежды, и защиты, чем вы думаете.

Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел сверху вниз на собеседника, который вдруг подумал, не повредился ли в уме этот человек, живущий в непрестанном страхе. Но, когда Элмер заговорил, голос его звучал совсем спокойно.

— Мои несчастные братья погибли, на мой взгляд, потому, что пользовались неподходящим оружием. У Филипа всегда был при себе револьвер, и смерть его объяснили самоубийством. Стивен прибегал к полицейской охране, но боялся быть смешным и не стал тащить полисмена на помост, куда поднялся на одну минуту. Оба они были скептики — это реакция на тот мистицизм, которому предался мой отец в последние дни своей жизни. Но я всегда знал, что они не понимали отца. Правда, изучая магию, он в конце концов попал под влияние черной магии, но братья ошиблись в выборе противоядия. Противоядие против черной магии — не грубый материализм, не суетная мудрость, а белая магия.

— Все дело в том, — заметил отец Браун, — что вы понимаете под белой магией.

— Магию серебра, — пояснил таинственным шепотом его собеседник, и добавил, помолчав: — Знаете, что я так называю? Одну минуту...

Он распахнул дверь с красными стеклами и вышел. Дом был не так велик, как предполагал отец Браун: дверь вела не во внутренние комнаты, а в коридор, в конце которого видна была другая дверь, выходящая в сад. По одну сторону коридора была еще одна дверь. «Наверное, в спальню хозяина, — подумал священник, — оттуда он и выскочил в халате». Дальше по эту сторону коридора не было ничего, кроме обыкновенной вешалки, на которой, как на всякой вешалке, висели в беспорядке старые шляпы, пальто, плащи.

Зато у противоположной стены стоял темного дуба буфет, инкрустированный старым серебром, а над ним развешено было старинное оружие. У этого буфета и остановился Арнольд Элмер, глядя на длинный старомодный пистолет с дулом в виде колокольчика.

Дверь в конце коридора была чуть приоткрыта, в щель пробивалась полоса света. Отец Браун всегда безошибочным чутьем угадывал, что происходит в природе. Он сразу понял, почему так необычайно ярка эта полоса — случилось то, что он предсказывал, когда подходил к дому. Он пробежал мимо удивленного хозяина и распахнул дверь. Сверкающая белизна ослепила его. Все склоны холма подернулись той бледностью, в

которой есть что-то и старческое, и невинное.

— Вот вам и белая магия! — весело воскликнул отец Браун. А вернувшись в холл, прошептал: — Да и магия серебра...

В самом деле, белое сияние зажигало отблесками серебро и старую сталь пожелтевшего оружия, окружало серебряно-огненным венчиком взлохмаченную голову задумавшегося Элмера. Лицо его оставалось в тени; в руке он держал заморского вида пистолет.

— Знаете, почему я выбрал этот старый мушкет? — спросил он. — Оттого, что его можно заряжать вот такой пулей!

Он вынул из ящика буфета маленькую ложку и с усилием отломал крошечную фигурку апостола.

— Вернемся в комнату, — добавил он.

— Случалось вам читать о смерти Денди? — спросил он, когда они снова уселись. — Помните, Грэхем из Клэверхауза, он преследовал пресвитериан в Шотландии и скакал на черном коне, которому были не страшны никакие пропасти?

Его могла взять лишь серебряная пуля, потому что он продал душу черту! В одном отношении с вами, пожалуй, приятно иметь дело — вы достаточно знаете, чтобы верить в черта.

— О да! — согласился отец Браун. — В черта я верю. Но зато я не верю в Денди. По крайней мере в Денди пресвитерианской легенды с его кошмарным конем. Джон Грэхем был просто солдатом семнадцатого столетия и лучше многих других. Если он кого-то преследовал, то потому, что был драгуном, не драконом. Судя по моему опыту, продают душу черту вовсе не такие бахвалы и вояки. Те поклонники его, каких я знавал, были люди совсем иного сорта. Не касаясь имен, которые могли бы ввести в смущение, упомяну лишь о современнике Денди. Слыхали вы о Дэлримпле из Стейра?

— Нет, — мрачно уронил Элмер.

— Во всяком случае вы слыхали о том, что он сделал, — продолжал отец Браун. — Это было хуже всего, когда-либо сделанного Денди. Он устроил бойню в Гленкоу. Человек он был ученый, сведущий юрист, государственный муж с очень широкими взглядами, притом — тихий человек, с лицом тонким и умным. Вот такие-то люди и продают душу черту.

Элмер привскочил на месте и пылко закивал головой.

— Ей-богу, вы правы! — крикнул он. — Тонкое умное лицо! У Джона Стрейка именно такое лицо.

Тут он поднялся и некоторое время странно, сосредоточенно

всматривался в отца Брауна.

— Если вы немного подождете меня здесь, я покажу вам кое-что, — сказал он наконец.

Элмер вышел снова в среднюю дверь, прикрыв ее за собой.

«Направился, видно, к буфету или к себе в спальню», — подумал отец Браун.

Он не вставал с места и рассеянно смотрел на ковер, на который сквозь стекла двери падал бледный красноватый отсвет. На миг он принял было ярко-рубиновый оттенок, но потом снова потускнел, будто солнце выглянуло из-за тучи и спряталось вновь. В комнате было тихо, только водяные существа плавали взад и вперед в своей зеленой чаше.

Отец Браун напряженно думал.

Минуту-две спустя он поднялся, бесшумно скользнул к телефону, помещавшемуся в углублении за гардиной, и вызвал доктора Война по месту его службы. «Хотел бы сообщить вам кое-что по делу Элмера, — тихо сказал он. — История любопытная. На вашем месте я немедленно отправил бы сюда человек пять-шесть, чтобы они окружили дом».

Потом он вернулся на прежнее место и уселся, уставившись на темный ковер, который снова подернулся ярким кроваво-алым отблеском. Этот сочащийся сквозь стекла свет навел его на мысль о зарождении дня, предшествующем появлению красок, и о тайне, которая то открывается, то закрывается, словно дверь или окно.

Нечеловеческий вопль раздался из-за закрытых дверей и почти одновременно раздался выстрел. Не успели раскаты его замереть, как дверь распахнулась, и в комнату, шатаясь, вбежал хозяин дома, в разорванном у ворота халате, с дымящимся пистолетом в руке. Он не то дрожал с головы до ног, не то трясся от хохота, неестественного при данных обстоятельствах.

— Хвала белой магии! — кричал он. — Хвала серебряной пуле! Исчадие ада на этот раз ошиблось в расчетах. Мои братья отомщены!

И упал на стул, а пистолет выскользнул из руки и покатился на пол. Отец Браун бросился в коридор. Он взялся было за ручку двери, которая вела в спальню, будто собираясь войти, потом нагнулся, рассматривая что-то, подбежал к наружной двери и распахнул ее.

На снегу, недавно таком белом, что-то чернело, что-то вроде огромной летучей мыши. Но довольно было взглянуть снова, чтобы убедиться в том, что это — человек, лежащий навзничь, человек в широкополой шляпе, какие носят латиноамериканцы, и в широчайшем черном плаще, который случайно, может быть, лег так, что полы его — или рукава, — вытянувшись

во всю длину, походили на крылья. Рук видно не было, но отец Браун угадал положение одной из них и заметил рядом, полуприкрытое платьем, какое-то металлическое оружие. Больше всего это напоминало какой-нибудь герб: черного орла на белом поле. Но, обойдя вокруг и заглянув под шляпу, отец Браун уголком глаз разглядел лицо, такое самое, о каком недавно упоминал его хозяин, — тонкое и умное, строгое лицо Джона Стрейка.

— Ну, сдаюсь, — пробормотал отец Браун. — Похоже на громадного вампира, птицей ринувшегося с небес.

— Как же бы он мог явиться иначе? — раздался голос от дверей. И священник, подняв глаза, увидел стоявшего на пороге Элмера.

— Он мог прийти, — уклончиво ответил отец Браун.

Элмер широко повел рукой, указывая на белый ковер.

— Взгляните на снег! — сказал он глухим, трепещущим голосом. — Он и сейчас незапятнан, вы сами только что назвали его белой магией. На целые мили кругом нет ни единого пятна, одна эта гнусная клякса. Никаких следов, если не считать наших с вами.

Он сосредоточенно и загадочно посмотрел на маленького священника, потом добавил:

— Скажу вам еще кое-что. Плащ, в котором он лежит, ему не по росту. Ходить в нем он не мог бы, плащ волочился бы по земле. Он был человек невысокий. Вытяните плащ вдоль ног, и вы сами убедитесь.

— Что произошло между вами? — коротко спросил отец Браун.

— Трудно описать, так быстро все случилось, — ответил Элмер. — Я выглянул в дверь и только собирался закрыть ее, как меня словно закружило вихрем, захватило в воздухе колесом. Я выстрелил не глядя, — и увидел то, что вы видите.

Но я убежден, все кончилось бы иначе, если бы пистолет мой не был заряжен серебряной пулей. Тогда он не лежал бы тут на снегу.

— Кстати, — заметил отец Браун, — мы оставим его тут, на снегу, или вы предпочтете перенести его к вам? Должно быть, это ваша спальня выходит в коридор?

— Нет-нет, — заторопился Элмер, — пусть лежит до прихода полиции. Довольно с меня всего этого! Силы не выдерживают. Что бы там еще ни случилось, надо чего-нибудь глотнуть. А там пусть хоть вешают меня, если им заблагорассудится.

Вернувшись в комнату, Элмер упал в кресло, стоявшее между пальмой и рыбками, причем едва не перевернул аквариум; графинчик с бренди он нашел лишь после того, как пошарил наугад в нескольких шкафах и по

разным углом.

Он и раньше не казался аккуратным, но сейчас его рассеянность перешла всякие границы. Отпив большой глоток, он заговорил возбужденно, словно во что бы то ни стало хотел нарушить молчание.

— Вы еще сомневаетесь, хотя видели все собственными глазами. Поверьте, единоборство духа, единоборство Стрейка с домом Элмеров, глубже, чем вам кажется! Уж вам-то совсем не пристало быть Фомой Неверующим. Вы бы должны защищать все то, что эти дураки называют суевериями.

Да, в рассказах о талисманах, приворотах, серебряных пулях что-то кроется! Что вы, католик, скажете на это?

— Скажу, что я агностик, — улыбнулся отец Браун.

— Вздор! — нетерпеливо крикнул Элмер. — Ваше дело верить в разные штуки.

— Да, в некоторые штуки я верю, — согласился отец Браун. — Именно поэтому я не верю в другие.

Элмер нагнулся вперед и стал всматриваться в него напряженно, как гипнотизер.

— Вы верите в них, — говорил он. — Вы верите во все.

Все мы во все верим, даже когда отрицаем. Отрицающий верит. Разве вы в глубине души не чувствуете, что противоречия тут кажущиеся, что есть некий мир, который объемлет все. Душа кочует со звезды на звезду, все повторяется. Быть может, Стрейк и я боролись друг с другом в другой жизни, в другом виде — зверь со зверем, птица с птицей. Быть может, мы будем бороться вечно. Раз мы ищем друг друга, раз мы нужны один другому, наша вечная ненависть — та же любовь. Добро и зло чередуются в круговороте, они — едины. Не сознаете ли вы в глубине души, не верите ли, помимо всех ваших вер, в то, что есть лишь одна реальность, и мы — ее тени? Все на свете — грани одного и того же, единой сердцевины, где люди растворяются в Человеке, и Человек — в Боге?

— Нет, — ответил отец Браун.

Снаружи спускались сумерки; был тот час, когда на небе, отягченном снеговыми тучами, темнее, чем на земле.

Через окно с полузадернутой занавеской отец Браун смутно различал под колоннами портика, у главного входа, неясную фигуру. Бросив взгляд на застекленную дверь, в которую он вошел, он увидел и за ней две неподвижные фигуры.

Внутренняя, с красными стеклами, была приоткрыта, а за ней, в коридоре, ему были видны длинные тени — преломляющиеся на полу

серые карикатуры на людей. Доктор Войн послушался его совета. Дом был окружен.

— К чему отрицать? — настаивал хозяин, по-прежнему не спуская с него гипнотизирующего взгляда. — Вы собственными глазами видели один из эпизодов вечной драмы.

Вы видели, как Джон Стрейк грозил уничтожить Арнольда Элмера черной магией. Вы видели, как Арнольд Элмер при помощи белой магии рассчитался с Джоном Стрейком. Вы видите перед собой живого Арнольда Элмера. Он говорит с вами — и вы не верите?

— Да, не верю, — твердо сказал отец Браун и поднялся с места, как посетитель, собравшийся уходить.

— Почему? — спросил хозяин.

Отец Браун едва повысил голос, но его слова колокольным звоном отдались во всех углах комнаты:

— Потому, что вы не Арнольд Элмер, — сказал он. — Я знаю, кто вы такой. Вас зовут Джон Стрейк, и вы убили последнего из братьев — того, что лежит там, на снегу.

Стрейк, видимо, призвал на помощь всю свою силу воли, в последний раз пытаясь подчинить своего противника. Даже зрачки его стянуло белыми кольцами. Потом он вдруг мотнулся в сторону. Но в этот самый момент позади него раскрылась дверь, и рослый детектив в штатском спокойно опустил руку ему на плечо. В другой, опущенной руке, он держал револьвер. Преступник обвел блуждающим взглядом тихую комнату и увидел в каждом углу по человеку в штатском.

Отец Браун в тот вечер долго беседовал с доктором Бойном о трагедии семьи Элмер. К этому времени всякие сомнения уже рассеялись: личность Джона Стрейка была установлена, и он сознался в своих преступлениях, — вернее говоря, бахвалился своими победами. По сравнению с тем, что он завершил свою жизненную задачу, покончив с последним Элмером, все остальное, видимо, было ему безразлично, даже вопрос о его собственном существовании.

— Собственно, он маньяк, одержимый одной идеей, — говорил отец Браун. — Больше ничто его не интересует, хотя бы и другое убийство. Это служило мне немалым утешением в те часы, что я провел с ним. Вам, несомненно, приходило в голову, что он мог не рассказывать сказки о крылатых вампирах и серебряных пулях, а просто всадить в меря обыкновенную свинцовую пулю и преспокойно выйти из дома. Поверьте, мне это в голову приходило.

— Почему же он этого не сделал? — спросил Войн. — Не понимаю.

Впрочем, я пока вообще ничего не понимаю. Каким образом вы все это раскрыли? И что вы, собственно, раскрыли?

— О, вы дали мне много ценных сведений, — скромно ответил отец Браун. — В особенности ценно одно сообщение.

Я имею в виду ваши слова о том, что Стрейк изобретательнейший лгун и фантазер, с редким присутствием духа преподносящий свои измышления. Сегодня ему понадобилось немалое присутствие духа, и он оказался на высоте положения. Пожалуй, он в одном только ошибся — не надо было выдумывать сверхъестественной истории; но он решил, что я, священник, поверю чему угодно. Все так думают.

— Ничего не понимаю! — воскликнул доктор. — Вы бы начали с самого начала.

— Началось «с халата, — просто сказал отец Браун. — Удачнее маскарад трудно было придумать. Когда вы видите человека в халате, вы механически принимаете, что он у себя. Так случилось и со мной. Но затем начались странности.

Сняв пистолет, он далеко отставил его от себя и щелкнул курком. Он должен бы знать, заряжены или нет пистолеты, висевшие у него в коридоре. Не понравилось мне и то, как он искал бренди, как едва не налетел на аквариум. Когда в комнате есть такая хрупкая вещь, машинально вырабатывается привычка ее обходить. Впрочем, все это могло быть плодом моего воображения. Вот что дало мне первые реальные указания: он вышел ко мне из коридора, в котором, кроме наружной двери, была лишь одна дверь. Я решил, что это дверь в его спальню, откуда он и появился, и попробовал открыть ее; она была заперта. Мне это показалось странным. Я заглянул в замочную скважину. Комната — совсем пустая, ни кровати, ни другой мебели. Тогда я понял, что он пришел не из этой комнаты, а со двора. И мне ясно представилась вся картина.

Бедняга Арнольд Элмер, наверное, и жил, и спал наверху. Спустился зачем-то вниз в халате, открыл дверь с красными стеклами и в конце коридора увидел своего врага — высокого бородатого мужчину в шляпе с большими полями и широком черном плаще. Немного он видел после этого.

Стрейк бросился на него, либо задушил, либо заколол — это выяснит следствие. И в ту минуту, когда, стоя между вешалкой и буфетом, он с торжеством взирал на поверженного врага, последнего своего врага, он вдруг услышал в гостиной чьи-то шаги. Это я вошел через застекленную дверь.

Он проявил чудеса проворства и ловкости. Он не только переоделся,

но и сымпровизировал целую сказку. Он сбросил плащ и большую черную шляпу, надел халат убитого, а затем сделал ужасную вещь — подвесил тело, как пальто, на вешалку, прикрыл его своим плащом, нахлобучил на голову сбою шляпу. Нет другого способа скрыть тело в этом узеньком коридоре, с запертой дверью в единственную примыкавшую комнату. Но придумано очень умно. Я сам прошел мимо вешалки, ничего не заметив. Боюсь, меня всегда будет пробирать дрожь при этом воспоминании.

Пожалуй, он мог ограничиться этим, но боялся, как бы я не обнаружил тела. А тело, подвешенное подобным образом, требовало бы разъяснения, так сказать. Вот он и решил сделать смелый ход — он сам откроет и сам разъяснит.

Тут в его причудливом и страшно изобретательном мозгу и зародилась мысль поменяться ролями. Он должен выдать себя за Арнольда Элмера — почему бы ему не выдать убитого за Джона Стрейка? Ситуация просто должна была подействовать на его воображение. Получался зловещий маскарад, на который два смертельных врага явились, переодевшись друг другом; пляска смерти, ибо один из танцоров мертв. Так, мне кажется, он все это рисовал себе и, наверное, улыбался при этом.

Отец Браун задумался, рассеянно глядя прямо перед собой; в его лице только большие серые глаза и обращали на себя внимание, когда он их не щурил. Немного погодя он продолжал, все так же просто и серьезно:

— У этого человека был талант, благородный талант — сочинять и рассказывать. Он мог бы стать великим романистом, но пользовался своим даром для целей злых и корыстных — обманывал людей не праздными вымыслами, а вымышленными фактами. Началось с того, что он обманывал старого Элмера, придумывая оправдания для себя и преподнося ему с мельчайшими подробностями всякие лживые истории. Возможно, что вначале тут было много детского — ребенок ведь чистосердечно заявит, что он видел короля Англии или короля эльфов. Черта эта укоренилась в нем благодаря пороку, от которого пошли все другие пороки, — благодаря гордыне.

Он стал все больше и больше тщеславиться своим умением быстро придумывать истории, своеобразно и тщательно развертывать сюжет. Вот почему молодые Элмеры уверяли, будто он околдовал отца. Так околдовывала Шехерезада деспота «Тысячи и одной ночи». И прожил он свою жизнь, гордый сознанием, что он поэт, исполненный ложной, но беспредельной смелости великих лжецов. И сказки его, вероятно, бывали особенно хороши и причудливы, когда он, как сегодня, рисковал головой.

Я уверен, что в этой истории фантастика забавляла его не меньше, чем

уголовщина. Он попробовал рассказать то, что случилось на самом деле, только наоборот — так, будто мертвый жил, а живой был мертв. Сначала он облекся в халат Элмера, потом попытался облечься в его душу и тело.

Глядя на тело, он воображал, будто его собственный труп лежит на снегу. Затем он придавал ему странный вид, вызывающий представление о ястребе, ринувшемся с неба на добычу. Он одел его в свои развевающиеся мрачные одежды; он создал вокруг него мрачную сказку о черной птице, которую берет лишь серебряная пуля. Не знаю, что подсказало его художественному чутью тему о белой магии и о белом металле, губительном для чародеев, — блеск ли серебра, которым инкрустирован старый буфет, или сверкание снега, отблеск которого пробивался из-под двери. Но, как бы ни возникла тема, он претворил ее в себе, как истый поэт, и справился с этим быстро, как практичный человек. Он совершил обмен ролями, бросив тело на снег как тело Стрейка.

Он постарался внушить жуткое представление о крылатом когтистом орле, о гарпии, парящей в воздухе. Ведь надо было объяснить, почему нет следов на снегу. Одна его выдумка положительно приводит меня в восхищение. Он умудрился обратить в свою пользу то, что сильнее всего говорило против него. Он обратил мое внимание на то, что плащ убитому не впору, слишком длинен — ясно, убитый не ходил по земле, как обыкновенные люди. Но при этом он очень уж пристально смотрел на меня, и я невольно подумал, что он пытается навязать мне чудовищный блеф.

Доктор Войн размышлял.

— Вы успели уже разгадать правду к тому времени? — спросил он. — Все, что связано с тождеством личности, особенно действует на нервы. Не знаю, что лучше — быстро ли догадаться или подходить к истине постепенно. Когда же у вас зародилось первое подозрение и когда вы окончательно убедились?

— Кажется, я заподозрил его по-настоящему, когда телефонировал вам, — пояснил его друг, — а главную роль сыграли при этом красные отсветы на ковре. Они то тускнели, то разгорались, как брызги крови, вопиющие о мщении.

Почему же? Я знал, что солнце не выходило из-за туч; очевидно, в коридоре то открывали, то закрывали дверь, выходящую в сад. Но он сразу поднял бы тревогу, если бы, выйдя, заметил своего врага.

Между тем суматоха поднялась лишь спустя некоторое время. Я начал догадываться, что он выходил с какой-то целью, что-то готовил. Когда я окончательно убедился, сказать труднее. Помню, под конец он старался

загипнотизировать меня черной магией глаз и чарами голоса. Видимо, он это не раз проделывал со старым Элмером. И важно было не только то, как он говорил, но и то, что он говорил, его философия и религия.

— Я — реалист, — заметил доктор, — религия и философия не по моей части.

— Какой же вы реалист в таком случае! — возразил отец Браун. — Послушайте, доктор. Вы знаете меня довольно хорошо; знаете, кажется, что я не ханжа. Не стану отрицать, бывают хорошие люди в дурной религии и дурные — в хорошей. Но одну вещь я усвоил из опыта, вполне реального, так, как узнают уловки животного или учатся различать марки хороших вин. Вряд ли мне попадался хотя бы один философствующий преступник, который не философствовал бы о Востоке и перевоплощении, о колесе судьбы и круговороте вещей, о змее, закусившей собственный хвост. Я на деле убедился, что над слугами этого змия тяготеет рок — они и сами обречены ходить на чреве своем и есть прах^[1]. На такие темы может болтать любой шантажист и любой злодей. Первоистоки этого учения, быть может, иные; но в нашем реальном мире оно стало религией негодяев. И я знал, что говорит со мной негодяй.

— Мне кажется, — заметил доктор Войн, — негодяй может исповедовать любую религию.

— Да, — согласился его собеседник, — может или, вернее, мог бы, если бы тут было притворство, рассчитанное лицемерие. Любое лицо можно прикрыть любой маской.

Всякий заучит несколько фраз и скажет, что держится таких-то взглядов.

Я сам мог бы выйти на улицу и объявить себя уэслеаиским методистом или чем-нибудь в таком роде, хотя, боюсь, это показалось бы не очень убедительным. Но мы ведь говорим о поэте. А поэту нужно, чтобы маска до известной степени была вылеплена на нем. Поступки его должны соответствовать тому, что в нем происходит. Он может черпать лишь из того, что есть у него в душе. Да, он мог бы назваться методистом, но не мог бы стать красноречивым методистом, а вот побыть красноречивым мистиком или фаталистом ему не трудно. Такой человек мог остановиться только на знакомом идеализме, когда ему понадобилось быть идеалистом. А на этом построена вся его игра со мной. Такой человек, даже весь покрытый кровью, способен вполне искренне уверять вас, что буддизм — лучше христианства, мало того, что буддизм — христианней христианства. Вот и видно, какое у него отвратительное и превратное представление о христианстве.

— Никак не возьму в толк, — смеясь, воскликнул доктор, — вы его защищаете или осуждаете?

— Сказать о человеке, что он гений, не значит защищать его, — пояснил отец Браун. — Отнюдь нет. Художник или поэт поневоле выдаст себя. Леонардо да Винчи не сумел бы нарисовать неумело. Как он ни старайся, получилась бы изысканная пародия на слабую картину. Так и методист в изображении Стрейка был бы уж слишком грозен и ярк.

Немного погодя отец Браун шел домой. Свежий морозный воздух стал еще холоднее, он даже пьянил. Деревья походили на серебряные подсвечники какого-то морозного Сретения. Холод пронизывал, как тот серебряный меч чистого страдания, что пронзил некогда сердце Неизреченной Чистоты^[2]. Но холод был не убийственный, — разве в том смысле, что он убивал все смертные препоны нашей бессмертной и неисчерпаемой жизни. Бледно-зеленое послезакатное небо, на котором зажглась лишь одна звезда, подобная Вифлеемской, представлялась светозарной пещерой, будто там, в глубине, зеленым пламенем пылало горнило холода, пробуждая все к жизни, словно тепло; и чем больше все погружалось в кристальные волны красок, тем становилось легче, подобно крылатым созданиям, и прозрачнее, подобно цветному стеклу.

Там возвещалась истина; там лож отсекалась от нее ледяным лезвием, и в том, что оставалось, жизнь была ключом, словно ледяная гора заключила в себе всю радость мира, как прекрасную драгоценность.

Отец Браун сам не совсем разобрался в своем настроении, когда погружался в зеленый сумрак, глотками пил девственный, живительный воздух. Остались далеко позади муть и скорбь жизни. Они стерлись, исчезли, как исчезают занесенные снегом следы ног.

И, с трудом пробираясь по снегу к себе домой, священник шептал про себя: «А все-таки он прав, есть белая магия, только он ее не там ищет...»

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

1

См.: Бытие, 3, 14

См.: Лк. 2, 35